

ВЕРА КАМША

ИЗ ГЛУБИН

МОСКВА
2023

ОТБЛЕСКИ ЭТЕРНЫ

КРАСНОЕ
НА КРАСНОМ

ОТ ВОЙНЫ
ДО ВОЙНЫ

ЛИЦ
ПОБЕДЫ

ИЗ ГЛУБИН

ВЕРА КАМША

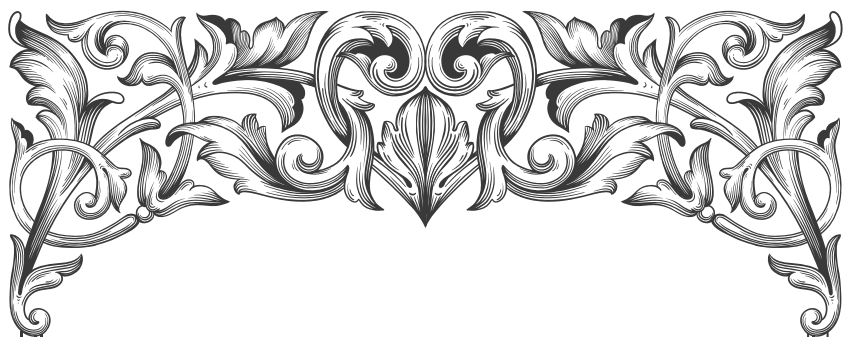
ИЗ ГЛУБИН

МОСКВА

Автор благодарит за оказанную помощь

Александра Бурдакова, Ирину Гейнц, Александра Гинзбурга, Александра Зелендинова, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева, Кирилла Назаренко, Даниила Мелинца, Юрия Нерсесова, Александру Павлову, Елену Цыганову, Артема Хачатурянца, Игоря Шауба, Татьяну Щапову

—•••••
ИЗБРАННЫЕ МЕСТА¹ ИЗ ДНЕВНИКА
ЖЕРАРА ШАБЛИ,
МАГИСТРА ОПИСАТЕЛЬНЫХ НАУК,
МЛАДШЕГО МЕНТОРА КОРОЛЕВСКОЙ
ШКОЛЫ ОРУЖЕНОСЦЕВ
389—391 гг. круга Скал
—•••••

¹ Рукопись, прежде известная узкому кругу лиц, как «Записки мэтра Шабли», представляет собой довольно любопытный

документ времен царствования Фердинанда Второго Оллара и состоит из девяти тетрадей, помеченных гальтарскими цифрами от 5 до 13 — очевидно, существовали ещё четыре, ныне утраченные. При этом сколь-либо интересные широкой публике сведения содержат лишь тетради 5, 6, 10 и начало 11-й. Тетради однотипные, но не одинаковые: надо понимать, что, заполнив очередную из них, автор приобретал следующую, по возможности похожую на предыдущую. Это достаточно толстые тетради хорошей желтоватой бумаги, в твердых переплетах, некогда обтянутых бархатом темных тонов. На двух из них сохранились латунные петельки, свидетельствующие, что они могли запирались на миниатюрный висячий замочек, призванный уберечь их содержание от чужого любопытства. Отметим, что сперва мэтр Шабли вел свои записи на талиг, однако в конце девятой тетради счел нужным перейти на гальтарику. Начало первой из уцелевших тетрадей (помеченной «пятеркой») исполнено достаточно стойкими чёрными чернилами, однако после переезда автора в Лаик цвет чернил меняется, и они обретают характерный фиолетовый оттенок, хорошо известный исследователям казенных бумаг того времени. Очевидно, получив доступ к казенной чернильнице, автор перестал пополнять собственные запасы, и это печально, ибо новые чернила оказались куда менее стойкими и плохо выдержали проверку временем — картина, опять же, хорошо знакомая завсегдатаям архивов. Положение усугубилось тем, что в какой-то момент тетрадам явно случилось отсыреть, если не промокнуть, из-за чего часть записей оказалась размытой, к тому же на бумаге развилась агрессивная черная плесень. Когда бумага просохла вновь, плесень погибла, однако многие страницы оказались испорчены достаточно серьезно, так что от части записей до нас дошли лишь фрагменты слов и предложений. К счастью, потери оказались не критичными в том смысле, что, уничтожив множество подробностей, они все же не мешают следить за ходом описываемых событий. Поскольку данная публикация имеет скорее популярный характер, и ее предполагаемый читатель вряд ли стал бы разбирать подобные головоломки, не поддающиеся расшифровке фрагменты были опущены, как и многочисленные пространные отступления на философские и литературные темы. Все лакуны в публикуемом тексте помечены звездочками. Публикатор полагает эти записки имеющими определенную ценность, и надеется, что уважаемые читатели разделят его точку зрения, отнесясь при этом критически к ряду выводов и утверждений, которые делает автор рукописи.

I

ТАЛИГ. САБВЕ

16-й день месяца Зимних Волн 389 года круга Скал

Итак, все прояснилось раз и навсегда. Безродный ученый не смеет претендовать на родство с господином ректором, ведь единственная дочь одного ректора просто обязана стать баронессой. Я видел жениха: тупое и вульгарное животное при всей своей смазливости. Господин барон фок Хелльвальд будут изменять супруге со служанками, трясти оружием, вонять вином и конским потом, но какое это имеет значение, если он богат и титулован?! Белая кость, голубая кровь, владения в Ноймаринен и родство с графами Гогенло-э-цур-что-то-там-еще. Смею ли я удивляться, что изысканная Органс вручает этому совершенству свою ручку, а ее маменька плачет от умиления. Мало того, господин барон соизволят сочетаться законным браком одновременно с его величеством! Надо думать, сия блистательная возможность и подтолкнула доблестного воителя к объяснению. «Когда мы с королем женились»... Ради возможности раз за разом повторять эту фразу стоит поторопиться.

Балы, представления, истребление ни в чем не повинных лесных тварей — наше дворянство так охоче до пожирающих золото пустых забав, и это когда ученый видит мясо лишь по праздникам и годами ходит в одних башмаках. Разумеется, го-

спод академиков, ректоров и деканов сие не касается — в их корыто корона исправно сыплет таллы, но дочерям столпов науки нужны титулы, а сами они желают сидеть за одним столом с полуграмотными бездельниками, чьи предки в свое время догадались ограбить тех, кто не сподобился махать мечом.

Свадьба, разумеется, состоится в Олларии, где у родичей жениха имеется собственный особняк и где можно смешаться со съехавшейся на королевское бракосочетание толпой. Поди разбери потом, кого из разряженных господ пустили во дворец, а кого — нет. «Нашему браку ровно столько же, сколько королевскому. Ах, это был незабываемый день...» Жених вряд ли понимает всю пошлость подобных восторгов, но Ортанс? Ортанс, слушавшая сонеты Веннена и всхлипывавшая над судьбами Элкимены и Ровены! Я принимал эти слезки за чистую монету, хотя для того, чтобы оценить дочь, нужно смотреть на мать, а мать ужасна в своей лживой пошлости. В гальтарских комедиях героини путают плач подброшенного ребенка с кошачьими воплями, я же, напротив, принял кошачью душу за ангельскую и теперь жестоко, хоть и справедливо, наказан.

Ортанс краснела и лепетала о судьбе и воле папеньки. Если б только папеньки! В глазах, за которые я готов был тысячу тысяч раз умереть, да что там умереть, отказаться от того, что мне всего дороже — от моего призвания, читалось: я стану баронессой! Прав, тысячу раз прав Дидерих, сказавший, что *«тищеславье женское сильнее мужского, как лис сильнее убогого зайчонка»*. Что ж, невеста получит ко дню свадьбы достойный ее подарок, а у меня остаются моя наука и моя книга. Их у меня не отнимет никто. Увы, в последний год я забросил свои труды, поддавшись очарованию никчемного и пустого создания, зато теперь я знаю цену женскому сердцу и женскому разуму, если о таком вообще возможно говорить.

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

* * * *

11-й день — Летних Ветров 389 года круга Скал

Я не суеверен, и это сберегло мне десяток таллов на свечи, которые поставил бы какой-нибудь ханжа в благодарность — нет, не за отпущение, пока лишь за его легкую тень. Свадьба перенесена, девица Дюмени все еще не баронесса и никому не ведомо, станет ли таковой вообще. Господин барон настолько верноподдан, что не станет брюхатить молодую супругу, когда король в трауре, ну а король не может жениться на покойнице. Хотел бы я знать, была ли смерть девицы Эпинэ случайной или королевская невеста от великого счастья наложила на себя руки, хотя что это я? Разумеется, она умерла потому, что принадлежала к изнеженной вырождающейся породе. Это лишь в трагедиях женщины предпочитают смерть титулу. Впрочем, предыдущая невеста, по слухам, все же не пожелала спать с Олларом. Варварство, которое великие поэты принимают за чистоту, в данном случае превозмогло и воспитание, и связанную с ним корысть. Итак, первая помолвка нашего обожаемого государя закончилась разрывом, вторая — смертью.

В сказке король женился бы лишь в четвертый раз, а его супругой оказалась бы закатная тварь. Впрочем, не на твари король жениться просто не может, и пусть его, главное, я получил отсрочку, которую использую с пользой. Мой свадебный дар, если, конечно, господин барон не увильнет, успеет обрести завершенность. Если же титулованный мерзавец найдет невесту получше дочери провинциального ректора, стрела все равно поразит цель, став напоминанием о разбитых надеждах. Это будет справедливо, ведь я до сих пор не смог вырвать из сердца опущенные глазки и писклявый голосок, хоть и делаю для этого все возможное.

В Гальтарях, которые неучи называют Гальтарой, шутили, что забываются лишь съеденные яства и выпитое вино. Если это так, мне предстоит помнить вечно, или же пока я не увижу Ортанс так, как увидел предмет своих бывших грез некий поэт, раскрыть инкогнито коего я сейчас стараюсь. Сомнений в том, что «Ода брюхатой Клариссе» написана относительно недавно

Вера Камша

и по следам личных переживаний, у меня нет. Как и в том, что отвергнутый поэт обладал определенным талантом, хоть и допустил в своем творении ряд грубейших ошибок. Видимо, это был разовый взрыв отчаяния, ибо больше этот человек о себе ничем не заявил. Еще один дар, загубленный кружевным мешком.

* * * *

2-й день месяца Зимних Волн 390 года круга Скал

Я никогда не был в восторге от ночных бдений с возлияниями, столь любимых большинством двуногих бесхвостых тварей, но отказаться от приглашения вернувшегося из Старой Тарники В. не мог. Мое отсутствие объяснили бы завистью, ведь В. моложе меня на два года и уже успел прыгнуть в старшие магистры. Глупцам не объяснишь, что на весах разума магистр изящной словесности перевесит не только старшего магистра, но и вице-академика, озабоченного бросанием камней, ломанием палок и прочими вещами, приличествующими каменотесам и плотникам, но не ученым. Не спорю, крыша над головой и устройства, перемальывающие зерно и отсчитывающие время, нужны всем, но зачем мешать приземленное с горним? Мастеровые достойны уважения больше сановных бездельников и тех, кто выбрал своим ремеслом убийство, но равнять их с мыслителями и созидателями нельзя, как нельзя равнять расписной горшок с полотном великого Коро. И раз уж мне вспомнился этот в кои-то веки признанный гений — всегда познавательно наблюдать, как телесная немощ способствует развитию ума, причем эта закономерность сохраняется даже в самых скверных фамилиях. Объявленный позднейшими лизоблюдами и мракобесами святым Эрнани понял, что не знавший своих родителей творец станет императору лучшим советчиком, нежели толпа безмозглых, как они тогда назывались, эориев, но я отвлекся от нашей якобы дружеской пирушки.

Кроме бумаги с болтающимся на черно-белой ленте куском сургуча, В. привез две небезынтересные сплетни. Безутешному королю нашли очередную невесту, ею оказалась

Избранные места из дневника Жерара Шабли...

молодая графиня Ариго, провинциальная, ничего собой не представляющая девица. Свадьба, если невеста не сбежит и не умрет, состоится летом. Тогда же прояснится, не передумал ли наш доблестный барон и не придется ли семейству Дюмени покидать предоставленный им университетом особняк. Да-да, в Старой Тарнике говорят о смене нашего ректора, как о чем-то почти решенном. Гости свежеиспеченного старшего магистра, однако, выразили по сему поводу недоверие, и немудрено — подобные разговоры всегда доходят до заинтересованных лиц. Господа сьентифики наперебой выразили свою любовь к начальству и выпили как за его здоровье, так и за собственные успехи под столь мудрым управлением. Я не стал исключением, поскольку не желал подавать повод для доноса и оберегал будущий сюрприз.

В доме воспитавшего меня торговца полагали, что радоваться загодя — дурная примета, ведь вокруг нас кружит множество мелкой нечисти, которая так и норовит навредить. Стыдно признаться, но в детстве я этому верил, однако впоследствии убедился, что самая вредоносная нечисть — это сами людишки. Делиться с ними своими замыслами и чувствами опасно, к тому же привезенные В. новости слишком хороши, чтобы быть правдой. Сорвавшаяся свадьба, зашатавшееся кресло... Кто-то хочет превратить меня из безбожника в истово верующего. Не выйдет, слишком много вокруг несправедливости, а обратных примеров до смешного мало. Я буду приятно удивлен, если из двух возможностей осуществится хотя бы одна, и я бы предпочел первую. Увы, это означает, что я все еще во власти нелепого чувства, породившего тем не менее множество без преувеличения великих творений.

* * * *

6-й день месяца Летних Волн 390 года круга Скал

Свадьбы состоялись. Обе. Я по понятным причинам отсутствовал, однако мой подарок, надеюсь, доставил одной из невест достойное ее удовольствие. Увы, я могу об этом

лишь гадать и рассчитывать на глупость новоявленной баронской тещи, которая имеет обыкновение изводить тех, кто вынужден ее слушать, бесконечными разглагольствованиями. Я безропотно переносил этот словесный водопад почти четыре года, сперва во имя работы, потом ради еще не поблекшей копии рассказчицы. Когда госпожу ректоршу выставят из свежего супружеского гнездышка, она примется расписывать свою поездку и не сможет не упомянуть о некоем возмутительном происшествии, но пока вернулся лишь господин ректор. Выглядит он не лучшим образом, что неудивительно, ведь ему пришлось почти месяц вести себя, как подобает дворянину, то есть пить, жрать и засиживаться за полночь с себе подобными, обсуждая то, что у них принято именовать подвигами, а именно блуд, грабежи и убийства людей и животных. Господин ректор при всем его лицемерии, лизоблюдстве и равнодушии к тому, что составляет смысл жизни истинного ученого, все же привык к иному, но не перечесть же столь желанной новой родне! Если господин барон наливает, господин Дюмени будет пить, даже если это вызовет колики. Тем не менее он довольно ретиво принялся за университетские дела, так что разговоры о новом ректоре, как я и предполагал, оказались сплетней.

Завтра мне велено явиться к полуденной трапезе. Судя по отеческому тону, я вне подозрений, зато меня наверняка спросят о моей работе, которая за последний месяц так и не продвинулась. Как это ни прискорбно, мои мысли были в Оллари. Да, мне удалось извлечь из этого несколько строф и набросать план драмы, который, скажу без ложной скромности, снискал бы одобрение самого Лахузы, но по понятным причинам предъявить это я не смогу, впрочем, к моим услугам мое слабое здоровье. Будучи занят рождающейся трагедией и не горя желанием общаться с себе подобными, я уклонялся от всех получаемых приглашений, теперь это нежелание станет моим алиби. Согласитесь, что лишь серьезно больной человек откажется от праздной болтовни за трактирным столом, я отказался, следовательно, я болен.